

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

В. А. Кучкин

SAMAR, САМАРА И ПОВОЛЖСКИЕ ГОРОДА В XIII–XVI в.¹

Новый этап в развитии золотоордынских городов Поволжья наступает в начале 60-х годов XIV в. Он связан с военно-политическим кризисом, который разразился в Орде после завоевания Воложского царства (по выражению русской летописи), или Белой Орды (Ак-Орды, по определению восточных источников), внуком знаменитого хана Ногая Хызром, ханом Синей Орды (Кок-Орды), кочевавшей к востоку от р. Яика (позднейшего Урала)². Весной 1360 г. Хызр неожиданно напал на золотоордынского хана Навруза, убил его, захватил Сарай и всю Орду, казнил бывшую первую жену хана Узбека властную Тайдулу и умертвил множество ордынских князей³. Золотоордынская знать была обескровлена, и Хызр сумел занять ханский престол в Сарае. В Орду к новому хану потянулись русские князья, чтобы получить от него ярлыки на свои владения. В их присутствии в Сарае произошли новые трагические события. Наиболее подробно они описаны А. Н. Насоновым⁴ и В. Л. Егоровым⁵. Суть их заключалась в насильственном устранении Хызра, убитого своим сыном Тимур-ходжой. Немедленно вслед за этим последовали новые убийства золотоордынских правителей, в результате чего за период с весны по осень 1361 г. в Орде сменилось 4 хана⁶. Обобщающую оценку кровавых распрей в Орде дает в статье 1361/1362 г. русская летопись: «Бысть при них (русских князьях. — В. К.) замятня велика в Орды, убиень бысть царь Кыдырь от своего си брата от Мурута, и съде на царствѣ Мурутѣ. А Мамай князь ординьскый и осилѣл съ другую сторону Волги, царь бѣ у него именем Авдуля. А трети царь в то же врѣмя в Орды вѣста в них и творящеса сынъ царя Чанибѣка именем Килдибѣкъ, и тот тако же дивы многи творяше в них. А иные князи ординьскые затворишася в Сарай, царя у себе имѣнующи 4-го. А Болактемиръ Българы взял и ту пребываше отнял бо волжьскы путь. А инои князь ординьскый, Тагаи бѣ имя ему, и от Бездѣжа и Наручадѣ ту страну отнял себѣ и ту живяше и пребываше. Гладу же в них велику належащу и замятнѣ мнозѣ, и нестроению надлзѣ пребывающу, и не престающе друг на друга вѣстающе и крамолююще и воюще межи собою, ратящеса и убивающеса»⁷. Русское описание ордынских междоусобий

¹ Окончание. Начало статьи см.: 2012. № 3 (49). С. 69–85.

² *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 129–130. О географическом содержании названий Ак-Орда и Кок-Орда см.: *Федоров-Давыдов Г. А.* Золотоордынские города Поволжья. С. 7.

³ ПСРА. Т. XV. Вып. I. Стб. 69.

⁴ *Насонов А. Н.* Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М.; Л., 1940. С. 117–125.

⁵ *Егоров В. Л.* Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980. С. 182–193.

⁶ Там же. С. 184, 191.

⁷ ПСРА. Т. XV. Вып. I. Стб. 70–71.

1361 г., не всегда верное в деталях, касается прежде всего территории Поволжья. Выясняется, что на левом берегу Волги закрепился хан Мюрид (Мурут). Поскольку далее в летописном рассказе указывается, что в Сарае вместе с некоторыми золотоордынскими эмирами «затворился» особый хан, можно думать, что речь в последнем случае идет о Сарае-Бату, где были оборонительные сооружения. Если так, то севший на царство хан Мюрид должен был иметь резиденцию в Сарае ал-Джедид. Хан Абдуллах (Абдуля, Авдуля), поддержанный могущественным темником Мамаем, перешедший на правый берег Волги, контролировал волжское правобережье, хотя, как можно будет убедиться далее, не все. В свете сказанного выше Кильдибеку, скорее мнимому, чем действительному сыну хана Джанибека⁸, могла принадлежать только часть волжского левобережья выше Сарая ал-Джедид и ниже Булгара. «Дивы многи», которые, по словам русской летописи, творил среди своих соплеменников Кильдибек, заключались в том, что он (по сообщениям восточных источников) тайно науськивал одних своих эмиров на других, заставляя их уничтожать друг друга⁹. Смысл таких действий, по-видимому, заключался в захвате пастбищ и скота погибших эмиров. О городах этих эмиров источники речи не ведут.

Помимо образовавшихся в 1361 г. в Золотой Орде 4 самостоятельных ханств, русская летопись отметила также появление в Орде 2 самостоятельных княжеств (эмиратов). Князь Болактемир (он же Булат Тимур¹⁰) захватил Булгар и, обосновавшись в нем, установил контроль над волжским водным путем. О других городах, расположенных по Волге ниже Булгара и способных выполнять ту же роль военных регуляторов движения по Волге, летопись не говорит. Другой золотоордынский князь Тагай захватил правобережье Волги от Бельджамена-Бездежа до Наручади. Летописная Наручадь — это современное с. Наровчат на р. Мокше Пензенской области¹¹. Следовательно, упомянутые ранее хан Абдуллах и темник Мамай контролировали правый берег Волги в ее нижнем течении, от Бельджамена до впадения реки в Каспийское море, а земли от Бельджамена на север и северо-запад — Тагай. Большая территория, захваченная Тагаем, косвенно свидетельствует о том, что городов на ней было очень мало. Кроме Бельджамена и Наручади еще должен был бы быть Укек. Но находка на территории Укека кладов серебряных и медных монет с младшими монетами 764 г. х. (1363 г.)¹² указывает на то, что в начале 60-х годов XIV в. Укек сильно пострадал, а потому и не был назван в числе городов Тагая в более поздней русской летописи. Но и за то, что сумел прибрать к своим рукам Тагай, шла борьба. Так, летопись отмечает, что уже поздней осенью, «на зимъ» 1361 г. в Тверь «Уроузьбуга приездил Бездъжский»¹³. Определение Урусбуги по г. Бездежу свидетельствует, скорее всего, о том, что Бездеж от Тагая перешел к нему.

Борьба за передел городов, как и борьба за передел пастбищ и скота, в Золотой Орде 60-х годов XIV в. требовала проведения защитных мер против внезапных нападений и захватов со стороны соседей. Характерный пример приводит русская летопись, рассказывая о событиях самого начала 1362 г.: «Съкизь бии Запание все пограбил и, обрывся рвом, ту сѣде»¹⁴. Выясняется, что уже не хан и не князь, а некий золотоордынский бий Секиз, ограбив принадлежавшие Нижегородскому княжеству земли по правому берегу р. Пьяны, левого притока

---

⁸ «Аноним Искендера», написанный в начале XV в., сообщает, как и русская летопись, что под именем Кильдибека, сына хана Джанибека, скрывался неизвестный человек, выдвинутый на ханский престол некоторыми золотоордынскими эмирами (см.: *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 129).

⁹ Там же.

¹⁰ Так русская летопись называет этого ордынского князя при описании событий 1367 г. (см.: ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 85).

¹¹ *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. С. 106.

¹² *Недашковский Л. Ф.* Золотоордынский город Укек и его округа. С. 19.

¹³ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 71.

¹⁴ Там же.

Суры, впадавшей справа в Волгу, в них и остался, построив себе для безопасности земляную крепость. Отмеченное русской летописью первое большое последствие начавшихся в Орде междоусобиц — «гладу же в них велику належащу» — должно было привести к захвату и охране богатых рыбой мест по Волге. Скот и рыба были основной пищей золотоордынских кочевников. Для сохранения пищевых ресурсов необходимо было возводить защитные строения.

Обновлять существовавшие и строить новые укрепления различным золотоордынским ханам и эмирам приходилось и по причине нападений на их владения других народов. Русские летописи сообщают, например, о нападении уже в 1360 г., сразу после захвата Хызром Сарая, ушкуйников из далекого Новгорода Великого на стоявший на р. Каме г. Жукотин и о последствиях этого набега¹⁵. В 1366 г. новгородские ушкуйники, возглавляемые Есифом Варфоломеевичем, Василием Федоровичем и Александром Обакуновичем (все — из самых знатных новгородских посадничьих семей), на 150 ушкуях пройдя Волгою мимо Новгорода Нижнего и ограбив там торговых гостей, «отидоша въ Каму и проидоша до Болгаръ, тако же творяще и воююще»¹⁶. Очевидно, что такие нападения ушкуйников из Новгорода Великого требовали ответных защитных действий золотоордынцев хотя бы в пределах бывшей Волжской Булгарии.

Оположении в Золотой Орде в 60-е годы XIV в. дает наглядное представление такой редкий и своеобразный источник, как географическая карта, составленная венецианцами Франциско и Доменико Пиццигани. Карта была закончена ими в декабре 1367 г., как следует из записи на карте, оставленной ее составителями. Франциско Пиццигано и Доменико Пиццигано, каждый самостоятельно, в разные годы составляли и другие карты на отдельные территории известных тогда материков, из чего можно заключить, что это были профессиональные средневековые картографы, а не интересовавшиеся географией объезжавшие разные страны купцы, как характеризовал их В. Л. Егоров¹⁷. Совместная работа над картой 1367 г. Франциско и Доменико Пиццигани породила утверждение, что они были братьями. Однако их индивидуальные карты позволяют полагать, что речь должна вестись не о братьях Пиццигани, а скорее об отце и сыне Пиццигани, в течение многих лет занимавшихся географией своего времени и отразивших свои познания на соответствующих картах. Карта 1367 г., показывавшая весь известный к началу последней трети XIV в. европейцам мир, является самым крупным достижением этих двух венецианских картографов.

Изучение карты началось еще в XVIII в. западноевропейскими учеными, но русскими — только в 70-е годы XIX в. Пионером стал преподаватель одесского Новороссийского университета Ф. К. Брун. Уже в зрелом возрасте он увлекся историей северного Причерноморья и вообще юга Европейской России в античное и средневековое время и опубликовал несколько работ на эти темы. Интересовался Ф. К. Брун и картами позднего Средневековья. Карту Пиццигани, оригинал которой остался ему недоступен, он, впрочем, больше обозревал, чем анализировал¹⁸. Однако его прочтения повожских названий на карте, которые он, вслед за своими предшественниками, считал названиями городов, сел и становищ, были приняты последующими исследователями, как и большинство сделанных им отождествлений пунктов с такими названиями. Для проверки правильности заключений Ф. К. Бруна необходимо обратиться к оригиналу карты.

Если карту Пиццигани развернуть так, как того требуют современные картографические нормы, т. е. север должен быть вверху, а юг — внизу, то изображенная на карте территория Поволжья окажется в правом верхнем углу карты. Река Волга показана на карте 1367 г. так, как

¹⁵ Там же. Стб. 69; ПСРЛ. СПб., 1913. Т. XVIII. С. 100–101.

¹⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950 (далее — НПЛ). С. 369; ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 81.

¹⁷ Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. С. 130.

¹⁸ Брун Ф. К. Перипл Каспийского моря по картам XIV столетия // Брун Ф. К. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. Одесса, 1880. Ч. II.

ее описывали средневековые арабские географы: берущей начало на северо-востоке, текущей на юго-запад, затем меняющей свое направление на южное и шестью руслами впадающей в Каспийское море. Та часть современной р. Волги, которая доходила до устья Камы, изображена на карте Пиццигани как особая река и названа Тиром («flume Tir»), что можно сравнить с наименованием Волги у Марко Поло — Тигри. Примерно в середине течения Волги от устья Камы до впадения в Каспийское море на карте показано раздвоение русла Волги и существование большого речного острова, обогнув который оба рукава Волги вновь соединяются и текут на юг¹⁹. Ф. К. Брун решил, что так на карте XIV в. была обозначена Самарская Лука, правда, после приведенного названия поставив знак вопроса²⁰. Думается, знак можно снять. Во-первых, никакой один большой остров в среднем течении Волги не известен. Во-вторых, Самарская Лука, образуя полуостров, вполне могла сойти за остров, поскольку здесь при резком повороте течения Волги с юга на восток речные суда в Средневековье не проплывали всю волжскую петлю, а перетаскивались у основания этой петли с северного правого берега Волги на ее южный правый берег. Недаром на последнем стояло построенное в татаро-монгольское время поселение, позднее превратившееся в Переволоцкое городище (№ 3).

Карта фиксирует также существование двух притоков Волги. Оба они впадают в Волгу с левой стороны. Устье одного приходится на то место, где русло Волги делится на два рукава и где начинается большой речной остров. Устье другого притока показано значительно севернее первого. По берегам Волги изображены некие пункты в виде трех крепостных башен: двух боковых, поменьше, и третьей центральной, повыше, с крепостными воротами. На правом берегу Волги таким знаком обозначены 4 пункта: один напротив речного острова, а три — в самом низовье Волги. На левом берегу Волги таким знаком маркируются 8 пунктов, а кроме них — еще 4 пункта по левому берегу Камы (средневековой Волги). В низовьях Волги, на ее левом берегу, нарисованы четыре крепостные башни и крепостные стены, на самой высокой башне водружен черный флаг. По своим размерам знак в несколько раз превосходит знак «три башни». Совершенно очевидно, что так изображался самый крупный город Золотой Орды — Сарай-Бату. Знак «три башни» средних размеров с черным флагом над центральной башней поставлен на левом берегу Волги и правом берегу Камы при ее впадении в Волгу. По историческому смыслу такой знак должен был указывать на местоположение г. Булгара, главного в послемонгольское время города региона, в котором в 1361–1367 г. самостоятельно правил, как говорилось выше, золотоордынский князь Болактемир (Булат Тимур). Но названия пункта, где помещен этот знак, на карте не приведено, а топоним «Borgar» (Болгар, Булгар) отнесен к поселению, обозначенному стандартным знаком «три башни» и показанному на волжском левобережье первым или вторым ниже камского устья. С географической точки зрения это правильно, однако высокий административный статус «Borgar» оказался неотмеченным. Наконец, такой же знак — «три башни» средних размеров с черным флагом — поставлен над городом, названным на карте Пиццигани «Bersiman». На русский язык название обычно переводится как Берциман, но возможно и Берчиман. В. Л. Егоров вслед за Ф. К. Бруном видит в этом названии искажение топонима Бельджамен-Бездеж²¹. Исследователи, по-видимому, правы. Однако Пиццигани отнесли этот город не к Поволжью, а к Подонью. Они поместили «Bersiman» не на правом берегу Волги, а на правом берегу Дона, но в том месте, где Дон ближе всего подходит к Волге. Эта деталь свидетельствует о том, что ни Франциско Пиццигано, ни Доменико Пиццигано сами не видели Бельджамена-Бездежа, они не были купцами, разъезжавшими по окраинам известного им мира. О Бельджамене-Бездеже они собирали устные сведения. Им было известно, что город являлся

---

¹⁹ На карте 1367 г. этот остров показан несколько выше расширения русла Волги на карте 1339 г.

²⁰ Брун Ф. К. Перипл Каспийского моря по картам XIV столетия. С. 168.

²¹ Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. С. 133.

центром международной торговли, недаром на своей карте рядом со значком города они написали «bazar» (базар); что Бельджамен-Бездеж был расположен на узком перешейке между Доном и Волгой; что в 60-е годы XIV в. он был особым административным центром, управлявшимся независимым золотоордынским князем. Возможно, сама географическая ошибка венецианских картографов, поместивших Бельджамен-Бездеж не на той реке, объясняется тем, что борьба за Бездеж в самом начале 60-х годов XIV в. привела к упадку этого города и к переносу торговли в противоположную крайнюю точку волго-донского перешейка, бывшую под контролем Мамаю и никем у него не оспаривавшуюся. В представлениях Пиццигани смешивались прежние знания о торговом значении Бельджамена-Бездежа со сведениями о современной им донской торговле, и Бездеж с волжского берега был переведен ими на донской. Впрочем, как бы там ни было, делается очевидным, что карта Пиццигани содержит, с одной стороны, очевидные ошибки и неполные данные о географических пунктах, а с другой — отражает ситуацию, современную деятельности картографов, в частности, более интенсивного освоения волжского левобережья, где, как можно было убедиться выше, сформировались владения трех ордынских ханов и одного эмира, которые должны были разграничиваться и укрепляться. Отсюда и численное преобладание поселений на левом берегу Волги над поселениями на правом берегу этой реки, отраженное на карте Пиццигани.

Среди географических объектов, зафиксированных картой 1367 г. на левом берегу Волги ниже Булгара, не было таких, которые сохранились бы с теми же самыми названиями и в последующие столетия. Единственное исключение — место, помещенное на карте Пиццигани между двумя левыми притоками Волги. Справа от знака «три башни», обозначающего поселение, между левой боковой башней знака и верховьем второго, более южного, левого притока Волги на карте киноварью написано слово «Samar»²².

Названию «Самар» и производным от него топонимам посвящено исследование украинского лингвиста Е. С. Отина. Ученый отметил распространение на громадной территории от р. Невы на западе до р. Амура на востоке гидронимов «Самар», «Самара», «Самарка», «Самарчик» и сходных с ними²³, а также названий поселений типа «Самара», «Самарино», «Самаровское»²⁴. Е. С. Отин выяснил, что исходной формой таких наименований было «Самар». Отвергнув происхождение этого слова из башкирского «сакбар»/«хакбар» или же из башкирского «хакмыр», из кельтского (было высказано и такое мнение, но без доказательств), из древнеперсидского *san-port/*san-fort, наконец, из тюркского «сакмара»²⁵, Е. С. Отин указал на другое тюркское слово, легшее в основу приведенных гидронимов и топонимов, — «самар» (в чагатайском «самар» — 'мешок', в турецком «семер» — 'седло')²⁶. Так у тюркоязычных народов мог определяться крутой изгиб реки. Украинский исследователь внимательно изучил источники, в которых описывалась р. Самара, левый приток Днепра, упоминаемая в летописи ранее всех других Самар — в 1152 г.²⁷ Выяснилось, что эта река часто меняла направление

²² Написание именно такое. В некоторых прорисках, сделанных с карты Пиццигани, первая буква «а» передается как «о», но сравнение с электронной копией карты показывает, что это неверно.

²³ Отин Е. С. Гідроніми східної України. Київ; Донецьк, 1977. С. 21.

²⁴ Там же. С. 22.

²⁵ Там же. С. 23.

²⁶ Там же. С. 22.

²⁷ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. II. Стб. 460. Именно с этой рекой Самарой следует связывать происхождение города Самара, упомянутого в известной статье «А се имена всѣм градом рускым, далним и ближним» в числе литовских городов (см.: НПЛ. С. 476). Данная статья, называемая в научной литературе «Списком русских городов дальних и ближних», была составлена в 1394–1396 г. О дате, которая представляется наиболее обоснованной, см.: Наумов Е. П. К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних» // Летописи и хроники. М., 1974. С. 157, 163. Давние поселения на этой днепровской Самаре, названные по ее имени, существовали (см.: Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. Київ, 1985. С. 129). Утверждение известного самарского краеведа Е. Ф. Гурьянова, что в «Списке русских городов дальних и ближних» упоминается волжская Самара, является ошибочным (см.: Гурьянов Е. Самара и волжская вольница // Волга. 1986. № 12. С. 175).

своего течения и название «Самара» ей вполне подходило²⁸. Что касается Самары волжской, то Е. С. Отин несколько иначе объяснил происхождение ее наименования. И у этой р. Самары была излучина, только не собственная, а волжская, куда Самара впадала. Резкий изгиб Волги, причем внушительной протяженности — 220 км, позволил кочевавшим здесь тюркам назвать весь район Самарой, а затем перенести название района на один из левых притоков Волги²⁹. Объяснения Е. С. Отина представляются достаточно логичными. В таком случае название «Самара» может быть наименованием излучины реки, места или поселения.

Что же означало выполненное киноварью наименование «Samar» на карте 1367 г. Франциско и Доменико Пиццигани? Некоторые исследователи (и первый из них — Ф. К. Брун) принимают его за название города, который предшествовал современной Самаре. Однако определение «Samar», которое точно воспроизводит первоначальную, исходную форму тюркского слова, должно быть отнесено не к поселению (названия поселений писались на карте темными чернилами), а к реке или к местности. Такое заключение основывается еще и на том, что на карте назван и первый, более северный левый приток Волги, причем киноварное название также помещено у верховья этого притока — «Karabolam» (возможно, это несколько искаженное Караболак или Карабулах). По аналогии название «Samar» также должно быть отнесено к реке. Кроме того, название самого поселения помещено слева, а не справа от показанного на карте значка, оно вместе с названиями других пунктов написано темными чернилами и читается как «Iamau.ran», причем буквы между вторым и третьим «а» сильно стерлись и почти не видны, а потому место стершейся буквы в названии приходится обозначать точкой. В. Л. Егоров, повторяя Ф. К. Бруна, читает здесь «Iamaugam»³⁰, но при увеличении ясно видна первая буква «i» и последняя буква «n». Таким образом, поселение «Iamau.ran», стоявшее, согласно карте 1367 г., только на берегу Волги, а не на берегах р. Волги и р. Самары, не может быть признано предшественником основанной русскими Самары. Очевидно, оно имело иную историческую судьбу, чем русская крепость на волжском притоке.

Важно отметить, что Каталанский географический Атлас 1375 г. Абрахама Креска, также в свое время привлеченный Ф. К. Бруном для изучения перипла Каспийского моря, показывает на левом берегу Волги лишь два города: на севере ниже устья Камы Булгар («Bargar»), а на юге несколько выше разделения Волги на протоки, впадающие в Каспийское море, столицу Золотой Орды Сарай³¹. Семь других пунктов, в том числе вблизи «Samar», обозначенных на левом берегу Волги на карте 1367 г., в Атласе 1375 г. не зафиксированы. Казалось бы, можно сделать вывод, что уже к 1375 г. левобережные волжские пункты, отмеченные на карте 1367 г., прекратили свое существование. Однако такой вывод будет поспешным и неверным. Сравнение карты 1367 г. и Каталанского Атласа 1375 г. обнаруживает определенное сходство между ними. Так, Волга показана текущей прямо с севера на юг после впадения в нее современной р. Камы. В середине течения Волги и та, и другая карты указывают на существование крупного острова, который исследователи принимают за современную Самарскую Луку³². В низовьях Волги до разделения ее на впадающие в Каспийское море протоки, на левом берегу реки обе карты правильно помещают Сарай. Крутой дугой, вершиной близко подходящей к правому берегу Волги, показано на обеих картах течение р. Дона. Выше устья современной Камы, на правом берегу этой реки и на левом берегу современной Волги обе карты указывают большой город. На карте Пиццигани нет его названия, но знак города украшен флагом. В Каталанском Атласе флага нет, но название города приведено: «Castrama» (Кострома).

---

²⁸ Отин Е. С. Гідроніми східної України. С. 23.

²⁹ Там же. С. 22.

³⁰ Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. С. 132.

³¹ См.: Фоменко И. К. Образ мира на старинных портоланах. М., 2011. Приложение. Рис. XXVI.

³² Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. С. 132.

Кроме указанных сходств, есть и различия. Так, современная Кама показана в Атласе 1375 г. текущей строго с востока на запад. На карте 1367 г. Кама представлена текущей с северо-востока на юго-запад, что гораздо точнее. В Каталанском Атласе ниже большого волжского острова (Самарской Луки) на правом берегу Волги показан город (поселение) и приведено его название: «Berchimani», т. е. Берчимани (Бельджамен, Бездеж). Эти свидетельства Каталанского Атласа верны. Они наталкивают на мысль, что помещение Бельджамена на карту как единственного правобережного волжского города было связано с тем, что рядом с ним была устроена переправа через Волгу, и средиземноморские купцы, поднимаясь вверх по Дону и сушией доходя до Волги, у Бельджамена переходили на левый берег Волги, чтобы ехать на юг в столичный Сарай или на север в почти столичный Булгар. На карте Пиццигани Бельджамен-Бездеж ошибочно перенесен на правый берег Дона, а его название несколько искажено: «Berciman». Таким образом, сопоставление двух карт приводит к заключению, что обе карты имели общий источник. Этот общий источник был более ранним, чем карта 1367 г. и Атлас 1375 г., он фиксировал существование только двух золотоордынских городов на левом берегу Волги, что соответствует прямым и косвенным показаниям «Книги Марко Поло», «Упорядочения стран» Абу-л-Фиды и описания путешествий Ибн Батуты.

Можно было бы думать, что таким источником послужила карта 1339 г. А. Дульсера, ряд элементов которой (прямое течение Волги после слияния с Камой с севера на юг, наличие большого волжского «острова», разделение Волги на протоки при впадении в Каспийское море, существование на левом берегу Волги городов Булгара и Сарая, города при впадении в Волгу Камы) совпадает с картами Пиццигани и Каталанского атласа. Однако название Булгара как Borga на карте 1339 г. вместо правильного Borgar (Bargar) на картах 1367 и 1375 г., помещение на последних города Бельджамена (соответственно Berciman и Berchimani), которого совершенно не знал А. Дульсерт, приводят к выводу, что общим источником карты Пиццигани и Атласа Абрахама Креска послужила не карта 1339 г., а более совершенная и точная карта, составленная после 1339 г., но до 1367 г.

Составители Каталанского Атласа 1375 г. использовали эту карту без изменений или с минимальными поправками. Пиццигани в 1367 г. явно переработали предшествовавший картографический материал. Они верно указали направление течения современной Камы, сняли название «Castrama» с города, стоявшего у камского устья, показали два левых притока Волги и дали их названия, сместили «bazar» (базар) в Подонье, но неверно вместе с торговлей переместили на Дон и Бельджамен. Показанные Пиццигани 7 «городов» на левом берегу Волги от Сарая до Булгара отразили реальное состояние большого региона в 1361–1367 г., времени ожесточенной борьбы за власть и материальные средства в Золотой Орде, но эти «города» характеризуют прежде всего не города как таковые, а участки по левому берегу Волги, важные в хозяйственно-промысловом отношении.

Некоторые события 70-х годов XIV в. показывают, что и после составления Франциско и Доменико Пиццигани карты 1367 г. положение с золотоордынскими поволжскими городами кардинальным образом не менялось, в географическом отношении оставаясь таким же, каким оно было до нападения на Золотую Орду хана Хызра в 1360 г. Так, в 1374 г., по словам летописи, «идоша на низъ Вяткою оушкуиници разбоиници, совъкупишася 90 оушкуевъ, и Вятку пограбиша и шедше взяша Българы, и хотѣша зажещи и взяша окупа 300 рублевъ. И отътуда раздѣлишася на двое: 50 оушкоевъ поидоша по Волзѣ на низъ къ Сараю, а 40 ушкоевъ поидоша вверхъ по Волзѣ и, дошедше Обухова, пограбиша все Засурие и Марквашь»³³. Показательно, что при описании движения ушкуйников из Новгорода Великого вверх по Волге

³³ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 106.

от Булгара летопись упоминает пункты и места, которые проходили и опустошали ушкуйники, а при описании плавания 50 ушкуев вниз по Волге летопись говорит только об их движении «къ Сараю», никаких других мест и поселений не отмечая. Не свидетельствует ли это о том, что значительных городов от Булгара до Сарая, несмотря на показания карты Пиццигани, на Волге не существовало? На следующий год новгородские ушкуйники, возглавляемые неким Прокопом, осмелели еще больше и ограбили русские города Кострому и Нижний Новгород, затем дошли до Булгара, где продали костромских и нижегородских пленников иноверцам, «а сами поидоша в насадѣх по Волзѣ на низъ к Сараю, гости христианскыя граблячи, а бесермены биючи. И доидоша на усть Вльгы близъ моря града нѣкоего именем Хазитороканя, и тамо изби я лестию хазитороканьскыи князь именем Салчѣи. И тако вси безъ милости побииени быша, и ни единъ от них не остана, а имѣние их все взяша бесерменове. И такова бысть кончина Прокопу и его дружинѣ»³⁴. И в этом описании движения ушкуйников по Волге к Сараю ничего не говорится о золотоордынских городах по обоим волжским берегам. Единственное исключение — стоявший у устья Волги Хаджитархан (Хазиторокань), где ушкуйники были разгромлены и нашли свою погибель. А примерно через 20 лет после описанных событий жесточайший разгром был учинен золотоордынским городам.

К тому времени хан Золотой Орды Тохтамыш, до того много лет безуспешно воевавший с самаркандским эмиром Тамерланом, решил заключить союз против него с египетским султаном Эльмелик-Эззахыром Беркуком. Союз был нужен обоим правителям. В случае победы над Тамерланом Тохтамыш возвращал себе свои среднеазиатские владения, а Эльмелик-Эззахыр Беркук мог не беспокоиться за принадлежавшие ему ближневосточные территории, на которые зарился Тамерлан. Последний был явно обеспокоен объединением своих противников. Он решил в первую очередь разделаться с Тохтамышем, владения которого граничили с его землями.

Поход Тамерлана на Золотую Орду начался весной 1395 г. из Шеки — области, лежавшей примерно в 100 км на северо-запад от современной азербайджанской Шемахи³⁵. Выйдя к побережью Каспийского моря и пройдя Дербент, Тамерлан устремился вверх по течению Терека. На берегах этой реки у него 15 апреля 1395 г. произошло решительное сражение с Тохтамышем. Тохтамыш был разбит и бежал³⁶. Тамерлан преследовал его по правому берегу Волги до Укека, который был взят. Часть служивших Тохтамышу эмиров сумела переправиться на левый берег Волги и нашла спасение там. Сам же Тохтамыш укрылся в приволжских лесах выше Укека, а затем повернул на запад и, по словам Шереф-ад-дина Йезди, остановился только в Польше³⁷. Тамерлан шел за ним приазовскими и причерноморскими степями, вероятно, тем путем, что ехала в 1334 г. в Константинополь Баялунь, и дошел до Днепра, где в районе Киева разбил Бек-Ярык-оглана, одного из полководцев Тохтамыша³⁸, участника битвы на Тереке. После этого он повернул обратно. У Дона Тамерлан вновь настиг Бек-Ярык-оглана и окончательно разгромил его. Затем Тамерлан взял и разграбил русский город³⁹. Речь, очевидно, идет о стоявшем близ Дона Ельце, о котором сообщают и русские источники. Последние, в отличие от сочинений восточных авторов, дают даты, позволяющие определить время падения Ельца. Согласно различным редакциям русской «Повести о Темир Аксаке», взятие Ельца заставило московского великого князя Василия Дмитриевича предпринять энергичные меры по обороне Москвы. Среди них были действия не только военного, но и идеологического характера. Во

---

³⁴ Там же. Стб. 114.

³⁵ *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 173, 174 («Книга побед» Шереф-ад-дина Йезди).

³⁶ Там же. С. 176–178.

³⁷ Там же. С. 178.

³⁸ Там же. С. 121.

³⁹ Там же. С. 121, 179.

Владимир на Клязьме была отправлена делегация, которой надлежало доставить в Москву очень чтимую Владимирскую икону Божьей Матери, которая, по представлениям людей XIV в., была способна защитить Москву от нападения Тамерлана. 15 августа икону вынесли из Владимира, а 26 августа ее доставили в Москву. В тот же день Тамерлан, после взятия Ельца стоявший две недели лагерем, пошел не на Москву, а в Золотую Орду⁴⁰. Из этих данных «Повести о Темир Аксаке» следует, что Елец был взят до 15 августа 1395 г. и до конца августа Тамерлан оставался близ Ельца.

От Дона, согласно Низам-ад-дину Шами, Тамерлан направился к Бальджиману (Бальчимкину)⁴¹. Этот город отождествляется и, думается, вполне основательно с Бельджаменом⁴². Оттуда Тамерлан направился к Азову, где к нему присоединился его полководец мирза Мираншах. Азов был взят. После Азова Тамерлан опустошил бассейн р. Кубани, воевал с черкесами⁴³, осетинами, другими народами Северного Кавказа, в низовьях Волги захватил Сарай (ал-Джедид) и Хаджитархан и сжег их⁴⁴. Зазимовав в Бугаз-куме, весной 1396 г. Тамерлан направился в Дербент⁴⁵. Уход Тамерлана из владений Тохтамыша надо датировать февралем-мартом 1396 г., когда еще держались холода, поскольку р. Терек войско Тамерлана переходило по льду⁴⁶.

Таким образом, с 15 апреля 1395 г. и по февраль-март 1396 г. владения Тохтамыша подвергались разгрому и опустошению со стороны Тамерлана. Восточные источники сообщают о захвате им городов и областей «Укека, Маджара, русских, черкесов, башкирдов, Микес, Бальчимкина, Крыма, Азака, Кубани и аланов»⁴⁷. Однако в этом перечне нет упоминаний о каких-либо захваченных Тамерланом городах или областях на волжском левобережье. Возможно, что они были опустошены уже в первое вторжение Тамерлана в Поволжье в 1391 г.⁴⁸, но возможно, что в конце XIV в. городов по левой стороне Волги от устья Черемшана до отделения от Волги Ахтубы не было вообще. Во всяком случае, поход московских войск во главе со вторым сыном Дмитрия Донского Юрием Звенигородским и Галичским в «Татарскую землю», где они пребывали целых 3 месяца (с ноября 1395 г. по февраль 1396 г.), взяв города Болгары, Жукотин, Казань, Керменчук и обогатившись за счет местного населения, косвенно свидетельствует о том, что продолжительность и успешность этого похода в значительной степени были обусловлены бессилием ордынских эмиров и темников, бежавших от Тамерлана на волжское левобережье и оказавшихся неспособными как-то помочь своим соплеменникам по причине отсутствия опорных городов-крепостей на левом берегу Волги⁴⁹.

⁴⁰ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. XXV. С. 222, 223, 225; ПСРЛ. Пг., 1921. Т. XXIV. С. 161–163, 165.

⁴¹ Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 121, 185.

⁴² Егоров В. А. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. С. 109–110.

⁴³ Эта война датируется временем не ранее середины октября 1395 г. (см.: Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 122).

⁴⁴ Несмотря на это, память о Сарае ал-Джедид, например, долго сохранялась у жителей Нижнего Поволжья. Приводим выдержку из русского документа 1558 г.: «И какъ, государь, будемъ прошедь Аксарай Узюбекъ царя, не дошедь большихъ Сарай, пришелъ на насъ Тохтаръ мирза, да немного у насъ лошадей поотогналъ, да одинъ и станъ пограбилъ» (см.: Продолжение древней российской вивлиофики. СПб., 1795. Ч. X. С. 22).

⁴⁵ Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 180–185.

⁴⁶ Там же. С. 185. Косвенно ранний уход Тамерлана или существенное ослабление его войска, испытывавшего во время зимовки голод и холод, подтверждает свидетельство Ибнэль-Фората, отметившего, что 17 марта 1396 г. в Египет пришло известие об осаде Тохтамышем Кафы (см.: Там же. Т. I. С. 364). Осада должна была иметь место за несколько недель до 17 марта, а сам факт осады свидетельствует о восстановлении власти Тохтамыша в захваченных Тамерланом землях.

⁴⁷ Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 185.

⁴⁸ Там же. С. 117 («Книга побед» Низам-ад-дина Шами), 165–173 («Книга побед» Шереф-ад-дина Йезди).

⁴⁹ Подробнее об этом походе см.: Кучкин В. А. О времени похода князя Юрия Дмитриевича в «Татарскую землю» (к вопросу о методах исторического исследования) // ДРВМ. 2006. № 3 (25). С. 106–132.

Разгром в 1395–1396 г. Тамерланом Золотой Орды, а еще ранее, в 60-е годы XIV в., жестокая борьба ордынских ханов между собой за верховную власть в Сарае привели к гибели многих людей, оскудению и обнищанию страны, упадку ее городов, открыли путь к Волге и за Волгу кочевникам с востока, оборвали налаженные торговые связи между Востоком и Западом. Чтобы как-то уцелеть в кровавой сумятице тех лет и сохранить жизненные средства, основное население Золотой Орды вынуждено было закапывать в землю свое достояние в надежде воспользоваться им при более благоприятных и спокойных условиях жизни. Обнаруживаемые с XV в. и по сей день в Нижнем Поволжье клады восточных серебряных и медных монет свидетельствуют о том, что для укрывших это имущество людей благоприятные времена так никогда и не наступили. Но для историков такие не востребуемые клады представляют громадный интерес, поскольку позволяют судить о развитии денежного дела и финансов в средневековой Золотой Орде, состоянии ее экономики и роли в экономическом развитии золотоордынских городов.

Начать следует с характеристики кладов самых малоценных монет — медных. Известно не менее 45 кладов золотоордынских медных пул. По годам захоронений эти клады специалистами по золотоордынской нумизматике точно еще не распределены. Очевидно, они могут характеризовать функционирование медных денег в Золотой Орде на протяжении всей ее истории, в том числе тех узловых моментов ее развития в XIV в., о которых говорилось выше. Клады найдены в 12 пунктах. Это бывшие города Сарай (с. Селитренное), Сарай ал-Джедид (с. Царево), Бельджамен-Бездеж (район Дубовки), Укек и район г. Саратова, первоначальный Хаджитархан (с. Шареный Бугор), одно из городищ на территории г. Царицына⁵⁰, а также городища Красноярское (№ 29), Мечетное (№ 18) и Узморье (№ 7)⁵¹. Три из 45 кладов медных монет были обнаружены в местностях, которые в Средневековье были сельскими: д. Шахматово Саратовского уезда, с. Муранка Сызранского уезда, г. Вольск⁵². Таким образом, подавляющее большинство кладов золотоордынских медных монет (42 из 45) было зарыто в городах (9 из 12). Очевидно, медными деньгами пользовалось преимущественно городское население Золотой Орды, которое следует охарактеризовать как население не временное, а постоянное, но с весьма скромным достатком. Речь может идти о представителях таких городских профессий, как грузчики, возчики, рыболовы, землепосы, кирпичники, гончары, повара, портные, словом, люди, чьи специальности не требовали сложных профессиональных навыков, но без которых нельзя было обойтись в повседневной городской жизни. Факты захоронения в золотоордынских городах кладов медных денег свидетельствуют о том, что эта основа городского существования в Поволжье в результате событий 60-х и середины 90-х годов XIV в. была подорвана.

Иная картина вырисовывается при рассмотрении кладов джучидских серебряных монет. Таких кладов сохранилось значительно больше, чем кладов медных денег, и изучены они много лучше. Исследователи восточной нумизматики делят историю формирования золотоордынских кладов серебряных монет на 4 периода. Первый охватывает время с 1256 по 1310 г., второй — с 1310 по 1380 г., третий — с 1380 по 1400 г., четвертый — весь XV в.⁵³ К пятому периоду (XVI–XVIII в.) нумизматы относят клады, зарытые уже на территории бывшей Золотой Орды⁵⁴. Для рассматриваемой темы важна характеристика кладов второго и третьего периодов, когда начался распад Золотой Орды и когда Тамерлан разгромил государство Тохтамышша. К началу XXI в. был известен 71 клад из серебряных монет, а иногда и из добавленных к монетам ювелирных изделий, зарытый на территории Нижнего Поволжья между 1310 и 1380 г. Клады

---

⁵⁰ Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды. С. 159.

⁵¹ Федоров-Давыдов Г. А. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. М., 1964. Вып. IV. С. 193. № 394; С. 189. № 367; С. 195–196. № 438.

⁵² Там же. С. 196. № 421; С. 196. № 423; С. 197. № 438.

⁵³ Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды. С. 139, 140, 147, 150.

⁵⁴ Там же. С. 153.

были обнаружены в 44 пунктах. По несколько кладов было найдено в бывшем Сарае ал-Джедиде (с. Царево), Сарае-Бату (с. Селитренное), Укеке (Увеке), Бельджамене-Бездеже (район Дубовки). По одному кладу — на городищах Старые Костычи (Костычевское — № 4), Ахмат (Ахметовское — № 9), Песковатское — № 15, Верхнее Ахтубинское (Ахтубинское — № 19), Лапас — № 27, Красный Яр — № 29, на одном из городищ, вошедших в черту г. Царицына⁵⁵. Всего клады 1310–1380 г. были обнаружены на 11 золотоордынских городищах. Остальные клады были спрятаны в 33 сельских местностях, иногда просто в степи, на территории кочевий.

Кладов из серебряных монет и ювелирных изделий, закопанных в землю в 1380–1400 г., известно меньше — всего 12. Они найдены в 12 различных местах. Среди этих мест города Сарай (с. Селитренное), Сарай ал-Джедид (с. Царево), Бельджамен-Бездеж (район Дубовки), городища Верхнее Ахтубинское (№ 19) и Винновка (№ 17). Семь кладов были спрятаны в сельской местности⁵⁶.

Эти данные позволяют говорить о том, что денежные средства в основном скапливались не у жителей золотоордынских городов, а у кочевой знати, передвигавшейся со своими стадами по обширным степным пространствам Золотой Орды. По свидетельству Ибн Баттуты, кибитки с казнами жен хана Узбека сопровождали своих хозяек во время кочевий, и сам Ибн Баттута во время передвижений по степи получал от ханш среди других подарков и значительное число серебряных монет⁵⁷. Следует иметь в виду, что основным товаром, которым располагала Золотая Орда, был скот. В XIV в. на это обращал внимание тот же Ибн Баттута, сообщивший о продаже ордынских лошадей в Египет и Индию⁵⁸. Итальянец Иосафат Барбаро, побывавший в Золотой Орде в 1436–1452, а в 1473–1479 г. в Персии, писал о тысячах лошадей, доставлявшихся из Орды на персидские рынки. Туда же из Орды отправлялись на продажу большие двугорбые верблюды. В Польшу, Трансильванию, Германию, а оттуда на бойни в Италию из приазовских степей перегонялись стада прекрасных крупных быков⁵⁹. Итальянцу вторят русские летописи. Летом 1474 г. в Москву прибыл посол от хана Большой Орды Ахмата Каракучук. Его сопровождала свита в 600 человек. Вместе с посольством в Москву прибыли 3200 гостей, которые привели с собой на продажу 40 тысяч лошадей «и иного товару много»⁶⁰. В июле 1476 г. в Москве снова появился посол Большой Орды, на сей раз Бочук, с которым приехали 50 человек свиты и 550 купцов, снова с лошадьми «и с товаром всяким»⁶¹. Об ассортименте ордынского «всякого товара» писал еще один итальянец, Амброджо Контарини, проживший лето 1476 г. в Астрахани и отметивший ежегодный отпуск из Астрахани в Москву татарских торговых караванов, которые «везут с собой шелковые изделия из Иезда и боккасины (тонкие ткани из льна. — В. К.), чтобы обменять их на меха, седла, уздечки и всякие другие нужные им вещи»⁶². Выясняется, что шелковые изделия и льняные ткани в самой Орде не производились, они изготовлялись в Персии и в русские земли доставлялись с помощью ордынских посредников. Последние возвращались назад к себе с седлами и уздечками, которые необходимы были кочевникам, но в местных городах не производились. Если главным товаром в Золотой Орде оставался скот, то понятно, почему клады серебра золотоордынцы прятали чаще всего не в городах, а в сельской местности. Судя по этим данным, поволжские города

⁵⁵ Там же. С. 140–142.

⁵⁶ Там же. С. 147.

⁵⁷ Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 293, 295.

⁵⁸ Там же. С. 286.

⁵⁹ Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 149.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. XXV. С. 302.

⁶¹ Там же. С. 309.

⁶² Барбаро и Контарини о России. С. 220.

кочевого Джучиева улуса играли скромную роль в экономической жизни страны. Поэтому после Тохтамыша золотоордынские ханы почти не обращали внимания на развитие в стране городов, поволжских в частности. Стационарные поселения в принципе противоречили кочевому укладу.

В итоге после проигранной войны с Тамерланом Золотая Орда оказалась мало заинтересованной, а в результате больших людских и материальных потерь и просто не в состоянии полностью восстановить разрушенные или сожженные безжалостным завоевателем поволжские города. Их руины в течение нескольких столетий указывали на места прежнего существования этих городов. Не строились и новые города по берегам среднего и нижнего течения Волги. Исключение составляет, по-видимому, лишь Астрахань, основанная в XV в. недалеко от уничтоженного Хаджитархана. Показателен эпизод, случившийся в Золотой Орде в ноябре 1408 г. Огромное ордынское войско под командованием эмира Едигея ушло на север воевать русские земли. Золотоордынский хан Пулад остался в Сарае один. И на него напал соседний хан. Вот как описывает произошедшее русская летопись: «се же нѣкыи царевич в то время усмотривъ себѣ время получно, егда вся Орда истошися и вси Татарове на Русь изыдоша воевати, а мало их около царя остана, той же цесаревич усмотривъ себѣ время таково и приобрѣтъ поборники собѣ и прииде напрасно изгоном на Орду, но сотвори ему спону проводник его, не на царя приведе его, но на торгъ, еще же и мѣгла велика бысть въ день той. Егда же не получи желаемого, тогда пресеци повелѣ приводящего его, замятню же велику створи и по премногу смути всю Орду, за малым бо самого царя не захвати. Царь же Булатъ въ ужасѣ зѣло бывъ и посылаетъ въскоре на Русь по Едегѣя скоросольники своя, веляще ему безо всякого пождания пойти к собѣ со мною скоростью, бояся, да не паки пришед изгонять его съ Орды или имуть»⁶³. Из этого описания видно, что в начале XV в. Сарай Богохранимый, который начинает называться не по собственному наименованию, а по ханской ставке Ордой, не охранялся сторожевыми крепостями, они отсутствовали. Но сам Сарай оставался большим городом, растянувшимся по р. Ахтубе, видимо, не на один десяток километров. Пока нападавшие от торгового добрались до ханского дворца, хан Пулад сумел предпринять необходимые меры и уцелел. С возвращением Едигея его положение стабилизировалось. Характерно, однако, что о последующей градостроительной деятельности хана Пулада никаких сведений нет.

Об отсутствии на большой протяженности волжских берегов крупных стационарных поселений косвенно свидетельствует летописное описание похода ушкуйников на Каму и Волгу в 1409 г.: «Того же лѣта ходи Анфалъ на Болгары Камою и Волгою, 100 насадовъ Камою, а Волгою 100 и 50. И избиша их в Камѣ Татарове, а Анфала яша и ведоша въ Орду, а волжские насады не поспѣли»⁶⁴. Из этого летописного известия следует, что в начале XV в. преимущественный интерес для ушкуйников, на сей раз, видимо, северодвинских, а не новгородских (Анфал-Алфан был боярином северодвинским), представляли северные города Золотой Орды, города или места ниже устья Камы интересовали их меньше. Показательно также, что схваченного на Каме Анфала татары отправили в Орду, т. е. на юг, в низовья Волги. Очевидно, на пути с Камы до нижнего Поволжья ордынских городов — значительных административных центров, куда можно было бы доставить Анфала, по Волге не было.

Опустошенность Поволжья демонстрирует карта мира, составленная в 1448 г. австрийским монахом-бenedиктинцем Андреасом Вальспергером. Восточная Европа была плохо известна этому картографу. Волгу он изобразил начинающейся в северных областях, стекающей с Рифейских гор, расположенных близ побережья Северного Ледовитого океана. Волга представлена А. Вальспергером несущей воды с севера строго на юг, без каких-либо отклонений к востоку или к западу. Самарская Лука в изображении А. Вальспергера пропала. Лишь в своем нижнем

---

⁶³ ПСРЛ. Т. XXV. С. 239.

⁶⁴ Там же.

течении река на карте расчлняется на 3 рукава, которые впадают в Каспийское море. По мнению А. Вальспергера, в его время на Волге стояли всего два города. Один находился на левом берегу реки близ разделения Волги на 3 рукава. На карте он обозначен черным пунсоном, каким отмечались мусульманские города (христианские города на карте 1448 г. обозначались красным пунсоном), и рисунком, изображавшим крепость со стеной, башнями, домами и минаретом. Очевидно, так был показан Сарай, главный город Золотой Орды. Второй город А. Вальспергер поместил на противоположном, правом берегу Волги выше Сарая. Город обозначен черным пунсоном и приведено его название — «Samaribat». Едва ли можно сомневаться в том, что второй компонент приведенного слова — *ibat* — является латинским написанием тюркского «абад», означающим 'обводненный, возделанный, цветущий, благоустроенный'⁶⁵. В целом, название «Samaribat» можно было бы перевести на русский как «Возделанная излучина» или «Цветущая лука». К современной Самаре Samaribat отношения не имел, поскольку был расположен на волжском правобережье. Точно идентифицировать его с каким-либо ордынским поселением XV в. на правом берегу Волги трудно, поскольку название «Samar» там не сохранилось. Но обращает на себя внимание то обстоятельство, что А. Вальспергер расположил пунсон Samaribat на одинаковом расстоянии от места истока Волги и от пунсона, обозначающего местоположение Сарая. В этом случае можно предположить, что определение «Samaribat» относилось к бывшему Укеку, в свое время построенному в удобной излучине Волги, на равном расстоянии от южного и северного центров Золотой Орды и обладавшему «обильными благами», о которых писал Ибн Баттута.

В противоположность карте 1448 г. Андреаса Вальспергера созданная около 1459 г. карта мира венецианского монаха-камальдула (молчальника) Фра Мауро указывает на насыщенность Поволжья различными городами и поселениями. На левом берегу Волги и несколько восточнее этого берега Фра Мауро поместил 11 поселений и городов, причем в их числе оказались самые крупные города Золотой Орды: Сарай Лордо, Сарай Грандо и просто Сарай, а на правом берегу Волги — 8 поселений и городов. Столь контрастирующая разница между близкими по времени картами 1448 и 1459 г. объясняется тем, что оба картографа имели весьма смутное представление о географии современного им Поволжья. Но если Андреас Вальспергер страдал от недостатка информации, то Фра Мауро — от ее переизбытка. По характеру работы последнего можно понять, что он пользовался многочисленными описаниями и картами, но, не представляя, что в этих источниках верно, а что совершенно не соответствовало действительности или перестало соответствовать ей, пытался примирить все противоречивые показания этих источников и разместить упоминаемые в них географические объекты на карте. Фра Мауро гораздо точнее, чем его предшественник, изобразил течение Волги, показал впадение в Волгу р. Камы (Cama); специально отметил место сближения Волги с Доном; впервые из картографов показал наличие в низовьях Волги большого острова, скорее всего, того, на котором в конце XVI в. русскими был построен Царицын; все Сарай правильно нарисовал на левом волжском берегу, однако не в нижнем течении реки, а севернее, ближе к Каме. Это была уже серьезная неточность. Город Булгар (Bogar) он неправильно поместил на левом берегу Волги выше камского устья. В самом узком пространстве между Волгой и Доном Фра Мауро сделал надпись *Belciman* (с третьей буквой «l» как у восточных авторов, описывавших победы Тамерлана, а не с буквой «r» как у европейских картографов), однако Бельджамен-Бездеж в 1459 г. уже не функционировал. Город *Lochachi*, который есть на карте Пиццигани и который Ф. К. Брун и его последователи принимали за Укек, Фра Мауро поместил на левом берегу Волги, причем в сравнительной близости от устья Камы, к югу от него. Отмеченный на карте Пиццигани *Karabolam* (у Фра Мауро — *Carabola*)

⁶⁵ Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. С. 36.

оказался расположенным выше устья Камы. Зато названия «Samar» в Поволжском регионе на карте 1459 г. нет совсем. Так не называется ни река, ни какой-либо населенный пункт.

Письменные источники, относящиеся к последней трети XV в., не подтверждают показаний ни карты 1448 г., ни карты 1459 г. Их свидетельства относительно Поволжья в принципе совпадают с данными начала XV в. В этом отношении показательно «Хождение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина. Благодаря относительно недавним исследованиям Л. С. Семенова выяснилось, что свое путешествие в Индию Афанасий Никитин совершил в 1468–1475 г., а не в 1466–1472 г., как считалось долгое время. Следовательно, плавание по Волге от Твери до Каспийского моря тверского гостя имело место в 1468 г., и заметки Никитина об этом плавании относятся именно к указанному году. Свой путь от Казани, ставшей столицей образованного в 40-е годы XV в. нового Казанского ханства, до устья Волги Афанасий Никитин описал так: «И Казань есми проѣхали доброволно, не видали никого, и Орду есми проѣхали, и Сарай есмя проѣхали. И въѣхали есми в Бузань. Ту наѣхали на нас три татарины поганые и сказали нам лживые вѣсти: “Кайсым салтан стережет гостей в Бузани, а с ним три тысячи татар”. И посол ширваншин Асанбѣгъ дал имъ по однорятке да по полотну, чтобы провели мимо Хазтарахан. А оны, поганые татарове, по однорятке взяли, да вѣсть дали в Хазтараханъ царю. И яз свое судно покинул да полѣз есми на судно на послово и с товарищи своими. Поѣхали есмя мимо Хазтарахан, а мѣсяць свѣтит, и царь нас видел, и татарове к нам кликали: “Качма, — не бѣгайте!” А мы того не слышали ничего, а бежали есмя парусом. По нашим грехом царь послал за нами всю свою орду. Ини нас постигли на Богунѣ и учили нас стреляти. И у нас застрелили человекѣ, а у них дву татаринов застрѣлили. И судно наше стало на ѣзу, и они нас взяли да того часу разграбили, а моя была мѣлкая рухлядь вся в меньшем судне. А в большом суднѣ есмя дошли до моря, ино стало на усть Волги на мели, и они нас туто взяли, да судно есмя взад велѣли тянути вверхъ по ѣзу. И тут судно наше меньшее пограбили и четыре головы взяли рускые, а нас отпустили голыми головами за море, а вверхъ нас не пропустили, вѣсти дѣля»⁶⁶. Приведенный текст заимствован из летописного извода «Хожения за три моря». Другие два извода памятника (троицкий и сухановский) несколько расширяют число волжских мест, мимо которых проплыл Афанасий Никитин: «и Казань есмя, и Орду, и Услань, и Сарай, и Берекезаны проехали есмя доброволно. И въехали в Бузань рѣку»⁶⁷. Все сохранившиеся изводы «Хожения» едины в том, что сразу же после хорошо известной Казани в них упоминается Орда. Относительно Орды составитель комментариев к «Хожению» Афанасия Никитина Л. С. Семенов писал, что это основанный ханом Узбеком город Сарай ал-Джедид, не приняв во внимание прямое свидетельство Ибн Арабшаха о сожжении этого города Тамерланом⁶⁸. По-видимому, под Ордой «Хожения» следует понимать кочевую ставку хана Большой Орды, которая могла находиться в районе бывшего Сарая ал-Джедид. Во всяком случае, она располагалась севернее Сарая-Бату. Между Ордой и Сараем-Бату Афанасий Никитин помещает Услан. Л. С. Семенов не сумел отождествить этот город с каким-либо известным золотоордынским городом⁶⁹. Между тем одно отождествление напрашивается само собой — это Гюлистан, находившийся, как полагают, между двумя Сараями⁷⁰. Южнее Сарая-Бату до отделения от р. Волги Бузана находились Берекезаны. Возможно, так называлось в XV в. современное городище Лапас или же Новорычанское городище, стоявшие ниже Сарая-Бату и тоже на левом берегу Ахтубы. В плавании по Волге самые большие беды Афанасий Никитин, его товарищи и попутчики претерпели от царя (султана) Касима, стоявшего

---

⁶⁶ Хождение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986. С. 5–6.

⁶⁷ Там же. С. 18.

⁶⁸ Там же. С. 137–138.

⁶⁹ Там же. С. 137.

⁷⁰ На некоторых монетах, чеканившихся в Гюлистане, помещалась надпись «Гюлистан-лис-Сарай», т. е. «Гюлистан присарайский» (см.: Федоров-Давыдов Г. А. Клады джучидских монет. С. 138. № 43).

во главе образованного в 1459—1460 г. Астраханского ханства. Столицу Касима Афанасий Никитин называет Хазтараханом, и, хотя это наименование напоминает название города Хаджитархана, речь идет, по-видимому, о другом городе, построенном недалеко от сожженного Тамерланом Хаджитархана и позднее получившем название Астрахани. Таким образом, после Казани Афанасий Никитин описал места и города Большой Орды и Астраханской Орды только в нижнем течении Волги и в дельте этой реки. Никаких городов по волжским берегам от устья р. Камы до р. Ахтубы он не отметил. И это согласуется с более ранними описаниями волжского пути того же XV в.

Через 3 года после плавания Афанасия Никитина по Волге его маршрут повторили вятчане. Воспользовавшись тем, что великий князь Иван III отправился в поход на Новгород Великий и не мог помешать их плану, жители Вятки, по словам летописи, в 1471 г. «шед суды Волгою на низ взяша Сарай, много товара взяша и плѣн мног поимаша. Слышешше се Татарове Большие орды, поне же близ ту кочевали за один день, и тако многое их множество поидоша переимати их, и поймавше суды и всю Волгу заступиша суды своими, хотяще их перебити, они же одинако пробишася сквозь их и уидоша со всѣмъ, а под Казанью тако же хотѣша переняти их, и тамо проидоша мимо тѣх со всѣм в землю свою»⁷¹. Из этого описания следует, что Сарай и после событий 1408 г. оставался уязвимым в военном отношении городом. Хотя татары Большой Орды и кочевали близ своей столицы (что еще раз позволяет говорить об Орде как о передвижной ханской ставке), но их кочевья находились в одном дне пути от нее. Этим и воспользовались вятчане. Сарай был ограблен, а многие его жители попали в плен. Попытка кочевавшей орды перехватить вятчан выше по Волге не увенчалась успехом. Вятчане прорвались сквозь татарскую флотилию, причем летопись подчеркивает, что они «уидоша со всѣмъ», т. е. с захваченным имуществом и пленными. Вторая попытка перехвата была сделана у Казани, но она окончилась столь же неудачно, как и первая. То обстоятельство, что попыток перехвата вятчан от нижней Волги до Казани не предпринималось, свидетельствует о том, что на этом пространстве городов у ордынцев не было.

Это подтверждает и венецианский купец, а заодно и дипломат Амброджо Контарини, в августе-сентябре 1476 г. совершивший поездку из Астрахани в Москву. Саму Астрахань Контарини характеризует очень скупой: «Город невелик и расположен на реке Волге; домов там мало, и они глинобитные, но город защищен низкой каменной стеной; видно, что совсем недавно в нем еще были хорошие здания»⁷². Венецианский купец-дипломат покидал этот город, когда астраханский хан Касим, о котором писал и Афанасий Никитин, воевал со своим дядей ханом Большой Орды Ахматом⁷³. Поэтому заметный караван из Астрахани (около 300 человек татар и русских и конский табун в 200 лошадей) должен был двигаться скрытно от сарайского правителя. «Наш путь, — вспоминал Контарини, — должен был пролегать между двумя протоками Волги, но из-за того, что главный хан находился в состоянии войны с Касим-ханом... мы решили, что весь караван перейдет на другой берег реки и пойдет по нему до того места, где река подходит к узкой полосе между Танаисом и Волгой...»⁷⁴. Идя по левому берегу

⁷¹ ПСРЛ. Т. XXV. С. 291. Имя воеводы Кости Юрьева приведено в устюжском летописании. Он и позднее возглавлял походы вятчан, но в 1486 г. перешел на службу к Ивану III (см.: ПСРЛ. Л., 1982. Т. XXXVII. С. 93, 96).

⁷² Барбаро и Контарини о России. С. 220. В комментарии к этому месту «Путешествия в Персию» Амброджо Контарини Е. Ч. Скржинская пишет, что «значительные здания в Астрахани были до 1395 г., когда город был разрушен войсками Тимура» (С. 241. Прим. 60). Но как представить себе столицу нового Астраханского ханства без ханского дворца, дворов знати и мечетей? Контарини говорит о хороших зданиях, которые были в Астрахани «совсем недавно», а не за 80 лет до его приезда, видимо, имея в виду последствия одного из нападений хана Ахмата на этот город.

⁷³ Там же. С. 221.

⁷⁴ Там же.

Волги, караван переправился у намеченного места на ее правый берег и продолжил путь на север до рязанских пределов. Ранее в «узкой полосе между Танаисом и Волгой» стоял город Бельджамен-Бездеж, но Контарини его не упоминает. В 70-е годы XV в. этот город уже не существовал. Не указывает Контарини никаких ордынских городов по левому берегу Волги от Астрахани до бывшего Бельджамена-Бездежа и по правому берегу Волги от сближения с Доном до русских границ. Он замечает, что «от Астрахани до Москвы приходится идти все время по пустынным равнинам», и, проходя эти равнины, не фиксирует ни одного поселения, где бы останавливался их караван, даже некогда знаменитый Укек. Распавшаяся на части Золотая Орда к концу XV в. явно обеднела городами.

К началу XVI в. Среднее и Нижнее Поволжье оказалось под властью нескольких татарских ханств — преемников Золотой Орды: Казанского, Ногайского, Астраханского и Крымского. Первые три располагались по левому берегу Волги, кочевья крымских татар подходили к Волге с запада. Чтобы охарактеризовать влияние каждого из этих ханств на развитие поволжских городов, следует определить, какие части Волги включались в территории указанных ханств. В этом отношении многое прояснилось благодаря исследованию В. В. Трепавловым границ Ногайской Орды. Он установил, что в XVI в. северной границей этой Орды была р. Кама, западной — р. Волга и ее левый рукав р. Бузан, южной — побережье Каспийского моря⁷⁵. Если так, то во власти ногайцев оказалась территория бывшей Волжской Булгарии, где были древние болгарские города и более поздние золотоордынские, но эти города в XVI в. уже не упоминаются. Очевидно, ногайцы не были заинтересованы в их развитии. Казанские правители городов в своем ханстве строили, но не на Волге⁷⁶. Астраханские ханы, имевшие в своем распоряжении скромные владения от р. Бузана на востоке до правых рукавов р. Волги на западе и от побережья Каспия на юге и примерно до будущего Царицына на севере, новых городов не возводили. Тем более не делали этого крымцы, но по причине противоположной: слишком удалена была Волга от Крымского полуострова.

Положение изменилось в начале 50-х годов XVI в., когда 2 октября 1552 г. русскими была взята Казань и пало Казанское ханство, а 2 июля 1554 г. войска Ивана IV в результате успешной операции овладели Астраханью⁷⁷. Теперь значительную часть Среднего и Нижнего Поволжья стало контролировать Русское государство. Открылась возможность более или менее безопасного плавания по Волге. Этим воспользовались появившиеся в 1553 г. в Москве англичане. Они организовали во второй половине XVI в. несколько плаваний по Волге и Каспийскому морю, стараясь открыть для себя на Востоке новые рынки сбыта своих товаров. Их подробные путевые записи содержат ценные сведения о поволжских городах указанного времени.

Первым из англичан, совершивших плавание по Волге, был капитан Энтони (Антоний) Дженкинсон. Добравшись на корабле от Москвы до Казани и отдохнув в ней две недели, 13 июня 1558 г. Э. Дженкинсон и сопровождавшие его помощники отправились по Волге в Каспийское море. 14 июля они достигли Астрахани. Плывая с севера на юг по Волге, английский путешественник отметил, что левый берег Волги ниже впадения в нее р. Камы и вплоть до Каспийского моря «носит название страны Монгат, или ногаев»⁷⁸. У ногайцев, по словам Э. Дженкинсона, «не было ни городов, ни домов, но они жили в открытых степях; каждый мурза или король имел около себя свою орду или своих подданных с их женами, детьми и скотом»⁷⁹. Что касается волжского правобережья, то, как писал Э. Дженкинсон, «вся страна по правую

---

⁷⁵ Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2001. С. 467–469, 472.

⁷⁶ ПСРЛ. СПб., 1841. Т. III. С. 154.

⁷⁷ ПСРЛ. СПб., 1904. Т. XIII. Пер. пол. С. 214, 220, 242.

⁷⁸ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1937. С. 169.

⁷⁹ Там же.

руку от нас, начиная от места против Камы вниз до Астрахани, есть земля крымцев, жители которой также держат закон Магомета и живут приблизительно так же, как и ногайцы»⁸⁰. Эти общие характеристики Э. Дженкинсон дополнял конкретными указаниями на пункты и места, мимо которых проплывал его корабль. Примерно в 80 км от устья Камы англичанин отметил наличие «нескольких рыбацких хижин, называемых Тетюши... Здесь происходит большой лов осетров. Так, продолжая путь далее, мы прошли 22-го (июня. — В. К.) мимо другой большой реки Самары, которая вытекает из вышеуказанной (Пермской) страны, течет через ногайскую землю и впадает в Волгу. 28-го мы подъехали к большому холму, где в минувшие времена стоял замок, выстроенный крымцами, теперь разрушенный; он находится как раз на полпути между Казанью и Астраханью...»⁸¹. Отметки, сделанные английским мореходом, хотя и грешат некоторыми географическими и историческими неточностями (река Самара не вытекала из Пермской земли, а замок не строили крымцы), в целом достоверны. Они свидетельствуют о существовании на волжских берегах в середине XVI в. постоянных или временных рыбацких строений в местах скопления рыбы, что, вероятно, имело место и в давнем прошлом; о бытовании «в минувшие времена» замка на половине пути из Казани в Астрахань, к 1558 г. разрушенного. Речь, несомненно, должна идти о захваченном в конце XIV в. Тамерланом Укеке, который, как свидетельствовал еще Абу-л-Фида, находился по середине пути между главными южным и северным городами Золотой Орды. Внимательность и наблюдательность Э. Дженкинсона, проявленные им при описании Тетюшей и погибшего старого замка, контрастируют с тем, как описана в его «Путешествии» Самара. Он говорит только о реке, дает ей характеристику и констатирует впадение в Волгу, при этом не отмечая здесь ни современных ему поселений, ни остатков поселений давних. Это явный показатель того, что в конце 50-х годов XVI в. таких поселений в устье Самары или поблизости от него не существовало. Продолжая описывать свое плавание, Э. Дженкинсон указывает на находившееся ниже бывшего замка место, называемое Переволокой, расположенное на перешейке между Волгой и Доном: «В этом узком месте на Переволоке расстояние от одной реки до другой по суше всего 2 лиги (8 км. — В. К.). Оно очень опасно из-за воров и разбойников; однако в настоящее время, вследствие завоеваний русского царя, оно не так страшно»⁸². Из сочинения Э. Дженкинсона не вполне ясно, представляла ли собой Переволока какое-то поселение, или это было название лишь определенной местности. Но и в том, и в другом случае очевидно, что стоявшего недалеко от этой местности в XIII—XIV в. города Бельджамена-Бездежа во времена Э. Дженкинсона уже не существовало. На юг от Переволоки англичанин зафиксировал пустыни по обоим волжским берегам. Лишь кибитки кочевавших ногайцев, поставленные на колеса, напомнили английскому путешественнику город. Настоящий город он увидел через несколько дней. «14 июля, — записал Э. Дженкинсон, — пройдя мимо старого замка, где была старая Астрахань, и оставив его по правую руку, мы пришли к новой Астрахани, которую русский царь завоевал... Город Астрахань стоит на острове, на высоком берегу с замком внутри города, обнесенным земляным валом и деревянными стенами; замок ни красив, ни крепок. Город также весь окружен земляным валом; строения и дома (кроме тех, где живут начальники и некоторые другие дворяне) низкие и очень простые. Остров очень беден, без лесов и пастбищ, и земля не родит хлеба...»⁸³. Такой увидел Э. Дженкинсон Астрахань спустя 2 года после ее окончательного покорения Иваном IV в 1556 г. Русские построили свою Астрахань на новом месте, максимально безопасном в военном отношении, и если деревоземляная крепость, возведенная ими, была не очень надежна, с точки зрения привыкшего к мощным

⁸⁰ Там же. С. 170.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же. С. 171.

⁸³ Там же.

каменным укреплениям европейца, то «огненный бой», бывший на вооружении ее гарнизона, для местного населения, имевшего большей частью холодное вооружение, был примерно тем же, что атомные ракетные установки в наше время против огнестрельного оружия XVI в.

Свое путешествие в Персию Э. Дженкинсон повторил в 1563–1564 г., а после него Персию в 1563–1580 г. посетили еще 11 англичан. Все они плыли из русских городов, достигали Волги и по ней спускались к Каспийскому морю. Подавляющее большинство англичан, следовавших за Э. Дженкинсоном, свой путь по Волге не описывало. Исключение составляет Христофор Бэрроу, который в сентябре-октябре 1579 г. прошел Волгою от Ярославля до Астрахани. В своих письмах, адресованных дяде Уильяму Бэрроу, служившему в английском королевском флоте и дослужившемуся до чина вице-адмирала, Х. Бэрроу сообщал о том, как проходило его плавание, какие отрезки пути он преодолевал, что видел и что замечал. Так, выйдя 26 сентября 1579 г. из Казани, Х. Бэрроу и его спутники 28 сентября пришли «в город Тетюши», где бросили якорь⁸⁴. Со времени Э. Дженкинсона это рыбацкое место было превращено русским правительством в город⁸⁵. Следующую остановку 3 корабля экспедиции Х. Бэрроу сделали только 5 октября. Они пристали к Увеку. «Это место считается на полдороге между Казанью и Астраханью», — сообщал в Англию Х. Бэрроу, подтверждая, что безымянный разрушенный замок, о котором писал Э. Дженкинсон, — это бывший Укек (Увек). На месте уже не существовавшего Укека Х. Бэрроу пробыл 12 часов, но сумел описать его и передать услышанные рассказы о нем: «Там растет большое количество солодкового корня; земля очень плодородна. Находят там яблони и вишневые деревья»⁸⁶. Эта английская характеристика Укека подтверждает и одновременно раскрывает оценку, данную Укеку почти за 250 лет до этого марокканцем Ибн Баттутой как городу «с обильными благами». Прошлое Укека Х. Бэрроу изложил, видимо, по рассказам русских: «На этом месте стоял прекрасный замок, по имени Увек; к нему примыкал город, который русские называли Содомом. Город этот с частью замка был поглощен землей по божьему правосудию за беззаконие обитавших в нем людей»⁸⁷. О настоящем разрушителе города Тамерлане в последней четверти XVI в. уже ничего не знали. Укек, вероятно, пострадал еще раз после взятия его Тамерланом. Судя по всему, осыпалась часть приволжской горы, на которой стояла крепость, и погребла под собой примыкавшие к горе строения. Это и вызвало сравнение Укека с Содомом. Рассказав об Укеке, Х. Бэрроу упомянул далее встретившуюся ему на пути Переволоку, которую английские корабли прошли через 5 с лишним суток после отбытия из бывшего Укека. Переволока в 1579 г. явно была поселением. Англичане проплывали мимо Переволоки глубокой ночью, но видели ее. В 7 км ниже Переволоки Х. Бэрроу отметил большой Царицын остров, на котором царь Иван IV держал сезонный (летний) караул из 50 стрельцов для контроля над волжским путем. На расстоянии в 400 км от Переволоки до Астрахани были поставлены еще 5 таких караулов⁸⁸, предотвращавших неожиданное нападение на этот главный русский город в Нижнем Поволжье. Но никаких укрепленных мест или городов на Волге ниже Тетюшей и до Переволоки Х. Бэрроу не зафиксировал.

Свидетельства английских очевидцев подтверждаются показаниями других источников. Так, из русско-ногайской дипломатической переписки становится известно, что в середине 50-х годов XVI в. возглавлявший Ногайскую Орду мурза Исмаил предлагал Ивану IV поставить русские крепости в устье левого притока Волги Большого Иргиза, на Переволоке и на устье Самары. Это были места переправ ногайцев с левого берега Волги на правый и крымцев с правого

---

⁸⁴ Там же. С. 264.

⁸⁵ Крепость в Тютюшах была построена в 1570/1571 г. (см.: *Зимин А. А.* Состав русских городов в XVI в. // *ИЗ. М.*, 1955. Вып. 52. С. 344. Прим. 117).

⁸⁶ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. С. 265. Солодковый корень — лакрица.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же.

берега реки на левый⁸⁹. Очевидно, что собственных укреплений на этих переправах у ногайцев не было. Русское правительство таким предложением предводителя Ногайской Орды не воспользовалось. В то время оно воевало с крымским ханом, Ливонским Орденом, оборонялось от нападений шведского короля. В 1558 г. началась в целом неудачная для Ивана IV Ливонская война, закончившаяся в 1582 г. Ям-Зампольским перемирием Русского государства с Речью Посполитой и перемирием со Шведским королевством в Плюсе в 1583 г. 18 марта 1584 г. скончался Иван IV⁹⁰. При сыне и преемнике переменчивого в своих замыслах царя Федоре русская политика по отношению к ногайцам и их соседям изменилась. На берегах Волги по приказам из Москвы стали возводиться крепости. Первой в 1586 г. была построена Самара. В 1589 г. на Царицыне острове, где во времена Ивана IV располагался лишь стрелецкий караул, был поставлен Царицын. В следующем году напротив устья Большого Иргиза, недалеко от бывшего Укека, был основан Саратов⁹¹. Возведение этих военных крепостей знаменовало новый этап в освоении самой крупной европейской реки — Волги. Как следует из рассмотренного выше материала о поволжских городах XIII—XVI в., Волга в Средние века и в раннее Новое время представляла собой естественную границу не только между различными государствами с несхожими социальными структурами и формами государственного правления, но более того — между разными цивилизациями. Левый берег Волги в течение нескольких сотен лет был занят преимущественно кочевниками, основу хозяйства которых составляло пастбищное скотоводство. Правый берег Волги был населен земледельческими народами и племенами, в том числе бывшими кочевыми, занимавшимися не только разведением скота, но и земледелием, охотой, рыболовством, различными ремеслами. Описывая степь, по которой в его время кочевали татаро-монголы, наблюдательный Ибн Баттута отметил, что «особенность этой степи (заключается в том), что растения ее заступают скоту место ячменя; такой особенности нет у других стран»⁹². Близкий кочевникам-берберам, Ибн Баттута не мог понять, почему кочевники-тюрки и кочевники-монголы кормят свой скот исключительно травой, а не травой вместе с зерном, которое выращивалось земледельцами. Но в Золотой Орде дело обстояло именно так, как описал его марокканский путешественник. Такое ведение хозяйства побуждало к расширению пастбищ и к увеличению поголовья и породистости скота, а не к строительству городов, жители которых не могли заниматься скотоводством. Более разнообразная деятельность оседлых народов такое строительство позволяла. И хотя возведение военных крепостей на кочевнических землях преследовало цели установления господства одних и подчинения других, эти цели с течением времени нивелировались, крепости превращались в города, которые развивали новые производства, новые трудовые навыки, знания и культуру, превращаясь в очаги иной, более высокой цивилизации.

---

⁸⁹ Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. С. 332.

⁹⁰ Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 200.

⁹¹ Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. С. 333.

⁹² Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 282.